

18+

СВЕТЛАНА ГАМАЮНОВА

КАК УБИТЬ МАТЬ

Светлана Гамаюнова

Как убить мать

«Издательские решения»

Гамаюнова С.

Как убить мать / С. Гамаюнова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513066-2

В почти столичном городе N, или лучше городе «X», стали происходить странные события. Следователю Сергею Антонову предстояло разобраться с серией непонятных смертей, названных «Мистические смерти в закрытом помещении». Люди умирали без видимых причин с улыбкой на лице. Видеосъемки этих смертей, с просьбой разобраться, присылал некто, называвший себя таинственным именем. А потом ещё один злодей появился, обещая завалить улицы города тысячами улыбающихся трупов. Кому и зачем это нужно?

ISBN 978-5-00-513066-2

© Гамаюнова С.
© Издательские решения

Содержание

Как убить мать	6
Глава 1. Следователь Антонов	7
Глава 2. Марина	11
Глава 3. Никонов	13
Глава 4. Поиски	15
Глава 5. Встреча с Наташей	17
Глава 6. Встреча с родственниками погибших	22
Глава 7. Новости на TV и интересный разговор	26
Глава 8. Поход в церковь	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Как убить мать

Светлана Гамаюнова

Редактор Ирэна Сытник

Дизайнер обложки Дмитрий Галкин

© Светлана Гамаюнова, 2020

© Дмитрий Галкин, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-3066-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как убить мать

*Некто спросил Линь Цзынь: «Что есть мать?»
– Алчность и страсть есть мать, – ответил Мастер.*

Глава 1. Следователь Антонов

Очередное нераскрытое мутное дело лежало на столе. Это и предыдущие подобные дела живо смахивали на висяк, причем глухой. Да еще и серия вырисовывалась.

Странно, я, капитан полиции следователь Сергей Антонов, не чувствовал драйва в крови по поводу начала нового и неожиданного дела. Что-то, может, пресловутый внутренний голос, подсказывало, что ничего хорошего не предвидится. Что испачкаюсь в грязи по уши, и она, эта грязь, засосет меня, как Говняный Лог. Я, любитель всего необычного, сейчас остро сожалел, что, увы, не дадут перевести эти дела в разряд несчастных случаев, как позволяли тому же Володину. Тезка, Сергей Володин, в таком же чине и положении, как и я, умело переводил происшествия, вернее сказать, спихивал неудобные смерти в графу «несчастный случай». Папок с делами, тем более нераскрытыми, у него почти не было. Простой договор с начальством. Проблемные и совсем глухие дела попадали к Володину, и сами по себе, по некому волшебству, становились несчастными случаями. Мне же неумолимый рок, своеобразные отношения с начальством, недолюбливавшим «сранных» интеллигентов, и непростой характер, подложили очередную свинью. А я... А я, дурак и чистоплюй, сам выпендрился, сам и получил, как сказал однажды тот же Володин «за чашкой коньяка», который был преподнесён «благодарными» посетителями.

Тоскливо посмотрел в окно. Весна началась поздно. Снег лежал до начала апреля, и вдруг, в одно мгновение, температура скакнула до плюс двадцати, хотя потом немного упала, но все равно оставалась не весенней, а скорее летней. И буквально сразу все изменилось. Как будто не было недавно грязных сугробов, да и зимы, как таковой, только ветер гонял пыль по еще голой земле. Неприятный период.

«У нас теперь два времени года: зима и лето. Весны нет, сразу жарко и сухо, да и осени, как таковой, тоже – тепло, тепло, а потом снег на голову».

Оборвал этот вялый поток мыслей, уводящих не в ту сторону. «Не об этом надо думать, не об этом», – одернул себя. Думать надо о делах, худосочными папочками лежавшими на столе.

В который раз обвел кабинет неприязненным взглядом. Тусклые, выцветшие обои на стенах, старый стол – рухлядь. Шкаф, заполненный папками, такой же древний, как и стол. Середина прошлого века». Почти раритет. Окно, которое обещали заменить металлопластиковым, но так и не сделали. Зимой из него ужасно дуло. В этом древнем помещении сам себе казался старым, а не тридцатидвухлетним, спортивным и достаточно привлекательным, как показывало зеркало, мужчиной.

Раздался звонок. Лениво снял трубку.

– Слушай, тезка, – прозудел голос Володина, – заскочи, плиз, у меня опять комп завис, никак новый не выбью. Поможешь?

Невольно поморщился. Да, технику нам поменять тоже пообещали, но, как всегда, процесс обновления пошёл с верхов.

Кабинет Володина по соседству. В дверях, видимо, уже закончив разговор, но на что-то еще надеясь, стояла бледная до синевы женщина лет сорока и пустыми глазами смотрела на следователя. Серёга даже не сильно старался изобразить сочувствие. На лице читалась явная досада, то ли из-за неработающего компа, то ли от навязчивости посетительницы. Увидев меня, он встрепенулся:

– Я же русским языком сказал вам, Дарья Владимировна. Когда ваш муж пропал, по этому факту было заведено дело под номером, – он потряс бумажкой, – вот: РД №6098087. А сейчас, после обнаружения тела, новое дело заводить никто не станет. Несчастный случай. Понимаете? Ваш муж пошел в лес, мало ли зачем. Погулять, проветриться. Кто знает, что у него

в голове было. Он много работал, вот и решил воздухом подышать. Тут сами стройте догадки. В лесу ему стало плохо, упал, замерз. Вскрытие показало, что на почках имеются пятна, характерные для переохлаждения организма. Никаких криминальных повреждений на теле не обнаружено.

– Можно мне хотя бы с нашедшим его поговорить? – спросила женщина тихо.

– Зачем? Он все нам рассказал и просил его больше не беспокоить. Впечатлился чрезмерно находкой. Вы съездили в морг на опознание? Подписали бумагу, что это ваш муж? Вот и занимайтесь похоронами. Я вам соболезную, но на несчастные случаи дел не заводим. Если что не так, обращайтесь к прокурору.

Женщина не плакала, на лице не отражалось ни ненависти, ни отчаяния, только плотно сжатые, почти фиолетовые губы, и холод понимания бессмысленности хождения по инстанциям. Она аккуратно закрыла за собой дверь. Володин потянулся.

– Очередной «подснежник», – так на внутреннем жаргоне обозначались трупы, пролежавшие зиму под снегом и обнаруженные весной. – Бегун нашел. Происшествие фигурирует под названием «Обнаружение трупа без головы». Замерз якобы. Через двести метров нашли череп, но он, похоже, не принадлежит трупу, старый и обглоданный. Шеф разрешил дело не открывать, хотя даже мне видно – уголовное. Тело два месяца пролежало в лесу, а одежда на нём как из шкафа, чистая. Да много там еще чего. Свежий труп, понимаешь, относительно свежий, не двухмесячной давности, когда человек объявлен в розыск, как пропавший. Не мог он при нашей погоде замерзнуть. То, что Мухин, многоуважаемый наш штатный патологоанатом, в заключение вскрытия напишет... так каждый опер знает, что он за три копейки, прости, за штуку зелени, с потрохами продается и нужный текст напишет. Я, было, сунулся с этим к шефу, так он скривился, а потом послал меня далеко и надолго. Рекомендовал забыть и закрыть. И знаешь, что интересно? – Володин вскинул глаза вверх. – Видать, сверху разрядка вышла – дело не открывать. Я догадливый, поэтому и живу тихо и мирно, в отличие от тебя. Сам знаешь, как шефа нераскрытые дела достали. А в этом случае работы навалом, и почти без единой зацепки и перспективы на раскрытие. Сколько можно «висяки» копить? Мне шеф, в прошлый раз, разрешил даже слегка прикопанный труп на несчастный случай списать. Тоже «подснежник». Родственники лохи, им ничего не надо, мужик ни с кем из них не общался. Никому из них ничего не перепадет от него, ни денег, ни квартиры. Похоронят и забудут.

Володин потянулся и мотнул не обремененной чрезмерной щепетильностью и мыслями головой. Посмотрел на слегка озадаченного меня, махнул рукой и продолжил:

– А эта дамочка, что была только что, не дура, увы, прекрасно понимает, что мы просто ввязываться в какую-то суровую разборку не хотим. Муж программист, базы данных какие-то составлял. Документы пропали. В них хер его знает, что было. Начнешь копать, могут рядом положить. А она пусть, если хочет справедливости, идет к прокурору. Тот с нее слупит за открытие и возобновление расследования не менее пяти штук. А вот получится ли раскрыть – его не колышет. Если она даст ему бабки и тот с нашим шефом поделится, тогда посмотрим. Хотя, не люблю такие гнилые дела! А так, сам знаешь, прокурор наш, Комар, у него везде все схвачено. Смешно звучит: у Комара в делах комар носа не подточит. Не даст дамочка денег, скажет ей: «Чего вы такие бедные, если такие умные?». И вежливо... пошлет. Он это умеет.

Володин стряхнул невидимые крошки и пыль со стола мягкой тряпочкой. Был до смешного аккуратен.

– Пойдем, что ли, в тире постреляем? Голову хорошо прочищает от лишних забот.

– Сейчас не могу, – отмахнулся от предложения. – Извини, дело попало странное. Кино наяву. Некогда. Нужно придумать хоть мало-мальски правдоподобную версию. Данных кот

наплакал. Шеф приказал зайти, когда вернется с совещания в главке. Сейчас разберет меня на молекулы или в пыль сотрет.

– Не знаю, что там у тебя конкретно, но слышал, что стопудовый «висяк», и даже не один. Сочувствую. Как жопу ни рви, все равно ему не угодишь. Скорее бы уже на пенсию ушел. Хотя, кто его знает, какой новый будет. Наш-то пока, как непотопляемый авианосец, что бы вокруг ни происходило, он все на плаву.

Володин переместил немногочисленные папки в один угол, подравнял стопку. Поставил ровненько календарик и встал, намереваясь идти. Порядок на столе у него всегда идеальный. На таком же идеально равнодушном лице не отражалось ни тени сожаления, только предвкушение тяжести пистолета в руках и метких попаданий в мишень.

– Серый, ты эту рухлядь посмотри, не фурычит опять. Тебе же не тяжело?

Володин махнул рукой в сторону компьютера, указывая на синий экран.

Я тупо перезагрузил комп, там даже дебил бы разобрался, но не Володин. Но дебилом, скорее, можно назвать меня, Антонова. Так как всю мутотень громкую и не раскрываемую, сбрасывают мне, а сейчас серия выплывает. Шеф бы и прикрыл, так слухами земля полнится. Кроме моего, пока почти тайного дела, какая-то «паскуда», по его словам, в интернет инфу сбросила о повышенной смертности в городе от невыясненных причин, и информирует, где может, о происшествиях. Выяснить, кто звонит, тоже не могут. «Что-то много хакеров у нас развелось», – подумалось, между прочим. Эх, мне бы с ним пообщаться, «опытом поделиться», да слишком умный, видать, профи, а профессионалов я уважаю. Соревновательность или чуть-чуть, а может, и не чуть-чуть, тщеславие, так беспощадно внедрившиеся испокон веков в мужское естество, требовали победы над незримым врагом.

Мелькнула мысль – может, кто-то специально нагнетает обстановку? В тонкости политических игр вникать не любил. Кубло. Знал, что мэр города и бывший губернатор не ладят. Так сегодня не ладят, а завтра поддерживают одну политическую платформу. Да и кто с кем сейчас постоянно приятельствует? Сегодня друг с другом на ножах, потом целуются прилюдно, пьют кофе и крестят детей.

Не об этом надо думать, а уже о четырех делах по подозрению в убийстве. Началось несколько дней назад. Шефу, на его личную почту, четыре дня подряд, присылали видеозаписи со странными сюжетами, в которых жертвы умирали со счастливыми лицами. Присылающий подписывался именем мифического Бэдмена и настоятельно просил разобраться с этими случаями. Сюжеты видео были какими-то ирреальными, а мистику я не любил и счастья от расследования таких происшествий не испытывал. И поносил мысленно этого то ли помощника, то ли соучастника.

Вот причем тут Бэдмен, и почему именно Бэдмен? Мог бы назваться и Петя Иванов. Нет, надо выпендриться. Бэдмен он, видишь ли. Спаситель невинно оскорбленных, бедных и сирот. Какой дурак придумал взять образ супергероя и поставлять записи фантастическим образом заснятых смертей? Три в закрытых помещениях, одна девушка умерла на тренировке. Уже четыре смерти. И вот эти дела свалили на меня. Сказали: любишь голову сушить и с техникой в ладах лучше всех, вот и работай, а мы, если что, выговор тебе вlepим за низкую раскрываемость... Суки!

«Увольняться надо. Сам с ними сукой стану, да, наверное, почти стал. Хотя если с эти делом разберусь, можно с чистой совестью и уволиться. Если выживу, конечно...».

Что-то подсказывало, что надо быть поосторожнее – не афишировать расследование, не ляпать лишнего, а то и сам, глядишь, того... В предчувствия не верил, но мыслишка в голову запала.

Тухлое дело или, вернее, дела. Помощника надо просить, один вряд ли справляюсь. Теперь, после всевозможных многочисленных «реформ» и чистки рядов, в ведомстве, в основном, работали одни лузеры или зелень кучерявая, безграмотная. Профессионалов почти

не осталось. Как только шеф удержался? Хотя понятно. Он всегда умел с самым высоким начальством найти общий язык. Какая бы «шишка» на вершине ни отпочковалась, как бы быстро ни менялись генералы и полковники, он все равно оставался на плаву. Каким-то образом он умудрялся узнать про каждого вышестоящего или предполагаемого кандидата всю подноготную: когда женился, сколько детей и от какой жены, какой коньяк любит, что предпочитает – баню или сауну. Да что начальство, он знал имена всех их секретарш и подробности личной жизни. Не только, как их детишек зовут и сколько им лет, но где учатся и какие конфеты предпочитают. Через секретарей столько нужной информации получал, Штирлиц хренов! Появлялся, где надо, включал улыбку Чеширского кота и обаяние на круглой подхалимской роже, харизму для простофиль – и этого оказывалось достаточно. Он, конечно, не дурак, от слова «совсем». Память на это все надо иметь о-го-го! На каждого огромное, полное досье в голове, компьютер позавидует объему его памяти. Компьютер шеф не жаловал, но почту всегда смотрел сам, а бумаги секретарша ваяла. Помогал штатный компьютерщик. Неплохой парень, а программист средненький. Хороший программист – это талант, не то, что их Витя Соколов – так, подмастерье.

Обо всем этом я рассуждал, собираясь «на ковер» к начальнику. Наконец, взял папки и поплелся к шефу на раздачу. Но сегодня Бог меня любил. Шефа вызвали в главк и, видимо, надолго.

Вернувшись в кабинет, стал мучительно нащупывать причины, объединяющие эти смерти, кроме их мистичности и неожиданности пути получения информации. В мистику не верил принципиально.

Несколько людей, между собой ничем не связанных, но погибших странно. Жили-были, молодые, трое даже совсем юные, одна женщина лет сорока, тоже не старуха. Все вполне здоровые, танцевали, рисовали, а потом раз – и нет их. Лежат перед камерами счастливо улыбающиеся тела. Мертвые тела. Никаких повреждений. Обрадовались чему-то – и умерли. Вспомнил строки из «Сказки о Царе Салтане» Пушкина: «Тяжелешенько вздохнула, восхищенья не снесла, и к обедне умерла».

Занес все данные про погибших в компьютер. Просмотрел их общение в соцсетях и набросал план завтрашних хождений и разговоров со свидетелями. Просмотрел разнообразную инфу о якобы ухудшившемся криминальном положении в городе. Да, драк, битых витрин, вандализма стало больше. Причем, драки вспыхивали на ровном месте, подожженные немотивированной агрессией. Вдруг подрались школьники двух соседних школ. Шли стенка на стенку, как в девяностых. Про подобное рассказывали с восхищением старшие товарищи. Сами участвовали, наверное. Только нынешнее поколение Z от компа или смартфона трактором не оторвёшь и звездой небесной из дома не выманишь, а тут собрались сообщца, заранее договорились, и пошли ломать друг другу челюсти и носы – фантастика! Погуглил все сайты, которые об этом писали, составил небольшую схемку, и остался доволен, кое-что совпадало с моими мыслями.

На работе задерживаться не стал, потому что... пошли все на...

Зашел в магазин, купил пиццу и отправился домой, где включил нормальный, не такой, как на работе, комп (хотя и офисный немного апгрейдил втихаря), и, наконец, расслабился за тем, что считал первостепенным занятием – стал искать связь и выходы на Бэдмена.

Глава 2. Марина

Марина любила сидеть на подоконнике, обнимая колени руками. Наверно, так она любила сидеть в детстве. Давным-давно – в детстве. Не очень удобно, зато виден город. Далеко виден. Хорошо, что бабушка жила так высоко – двенадцатый этаж.

Вот её и нет. Умерла не так, как мечтала – быстро и не мучительно. Больше года страдала сама и ее с матерью мучила. А ведь считала, что ее святости хватит на безболезненную смерть. Не хватило.

«Может, она в лучшем мире», – неуверенно подумала.

Квартира теперь ее, Маринкина, но находиться в ней хотелось, только сидя на подоконнике, не видя аккуратно застеленной кровати, где недавно еще лежало тело. Не хотелось прирагиваться к ее вещам, которые следовало выкинуть и заняться уборкой – ничего не хотелось.

Она продолжила смотреть в окно, тихонько напевая. Петь – единственное, что она умела и любила. С раннего возраста росла у бабушки, которая почти прокляла мать за распутство. Повод невероятный – мама второй раз вышла замуж, грешница!

Бабка, Алла Борисовна, была яркой пятидесятницей с характером. Имя и отчество резкое и властное. Алла Борисовна сказала, что так надо – и ее слушались даже в церкви, и побаивались, почитали за праведницу. Только помогла ли она ей, праведность, когда сломала шейку бедра и от боли тронулась мозгами? Отказалась от операции, лежала, читала молитвы и ругала дочь и внучку. Мать бабку боялась до ужаса. Та отлучила ее от церкви, забрала внучку и воспитывала в страхе Божьем.

Только выйдя замуж, Марина почувствовала, что есть другая жизнь, без всепоглощающего ужаса о возможном наказании за съеденную во время поста карамельку. Все считали ее дивно красивой, а она мечтала, как все девушки, о счастье, как в детстве о конфетке на палочке или «киндер сюрпризе», но не представляла, какое оно конкретно. Хотя муж сказал – никто не знает, что такое счастье. Живи спокойно, Маринка, ты же со мной. Но она не могла. Страх и депрессия, ужас воспоминаний из детства накачивали и делали ее нервной и неуравновешенной. Она слишком часто, как и бабушка, говорила мужу, что нельзя служить Богу и Мамоне. А он жил работой и пропадал на ней не только ради денег, но это она поняла позже.

Они разошлись, прожив восемь лет. Его замучили ее истерики и страхи, и он сказал как-то в порыве откровенности и отчаяния, что ее не исправишь, и это будет его крестом до конца жизни. И попросил развод. Спасибо, не бросил совсем беспомощную. Снял ей квартиру, давал деньги на жизнь. Работать она не могла, люди утомляли ее своей суетой и активностью. На работе выдерживала максимум неделю и увольнялась. Она могла только петь. Вот и пела в церковном хоре, и сейчас тоже, в единственном месте, где находила успокоение.

Второй муж тоже был умным и любил ее, но и двух месяцев не прошло, как он умер от инфаркта в тридцать шесть лет. Бабка каркала – вы с матерью грешницы, вот Бог и наказывает, а она боялась ее и плакала. Только в той небольшой общине, где они молились и пели все вместе, страх отступал. Тихие разговоры с наставником и его молитвы с каждым в отдельности, маленькие подарки. Вот подарили необычный мобильник со словами: «Когда начнешь грустить, включи песни – и сразу полегчает». Уверения, что они избранные, раз Бог привел их сюда и никогда не оставит, заберет их проблемы и даст светлую жизнь на небе, потому что скоро придет за любимыми чадами. Их песни убаюкивали, прикрывали щитом от мира и непонимания происходящего вокруг. Они возносили хвалу Богу под не слишком затейливую музыку, и все становилось просто и ясно, призрачно прекрасно и спокойно. Придет конец света, она вознесется, потому что душа у нее, как у ребенка, чистая и светлая, говорил учитель. Ей вспомнилось, как интересный, не знакомый ранее мужчина, крестил ее пару недель назад. Приложил руку ко лбу, что-то говорил нараспев тягуче и протяжно, неотрывно глядя

в глаза. Затем совершил руками пассы вдоль позвоночника и окропил водой из фляжки. После этого ритуала ей стало так спокойно и легко, как никогда раньше. Суета окружающих больше не задевала, и даже бабушка с ее проклятьями перестала пугать. Она безразлично смотрела на умирающую старуху и думала: «Он придет. В этот же день состоится Страшный суд и мир погибнет. Но последователи учителя войдут в Новую Землю, где больше не будет страданий, болезней, насилия, и зла. Там будет спокойно».

Затем она вспомнила последний поход в общину и запела песню хвалы. Зазвонил телефон, она включила громкую связь и услышала мелодию, чистую и светлую, как Божья воля, которая печали с собой не приносит. Прослушала ее, стерла входящий звонок, как ее попросили. Выключила телефон. Аккуратно положила его рядом на подоконник. Начала петь услышанную только что мелодию, покачнулась, упала на пол и... вознеслась, счастливо улыбаясь.

Глава 3. Никонов

Начальник районного отдела полиции полковник Никонов, матерясь, бегал по кабинету. Утро началось «отменно». Ему, раньше только ему, а теперь и всем сотрудникам внутреннего чата, пришло видео, как удивительно красивая девушка поёт, сидя на подоконнике, потом падает на пол и умирает со счастливой улыбкой. К видео шла приписка: «Запись послал на все телеканалы города. Разбирайтесь или будет хуже. Бэдмен».

– Паскуда, – орал Никонов, – как он в нашу сеть, б...ь, смог залезть?! Закрытая ведь линия!

И со всей дури шандарахнул по столу.

– Хуже, видите ли, будет, б...ь! И куда хуже может быть, все телеканалы города покажут такую хрень! Им бы только что-то горяченькое показывать для идиотов!

Он еще раз просмотрел видео, отмечая, что снято профессиональной камерой. Качество съемки отличное. Понавырачивали гениев, а ему, под пятьдесят, совсем мало до пенсии осталось, досидеть бы, так нет, сука, не дают жить спокойно. Где этот припиз... й Антонов? Тоже вроде с компьютерами дружит, и получше, чем штатный программист. Надо не забыть, тому сделать втык, что в их сеть зашли, как в открытую дверь. Почему до сих пор не выяснили, кто шлёт ему эти видео, а теперь и всему отделению разослал? И откуда берет?

Он нажал кнопку селектора и заорал:

– Антонова, мать его, срочно ко мне в кабинет!

Вскоре на пороге появился капитан.

– Разрешите войти, товарищ полковник?

Ишь, ты, рожа спокойная, как будто на чай его вызвали! Совсем страх потеряли, засранцы.

– По чату получил видео? Дожились. Теперь всем пришло, не мне одному. Решил, что я плохо стимулирую сотрудников? Я сейчас вас всех стимульну! И выговор внесу в личное дело, и премии лишу, и... – На круглом, оплывшем от вчерашнего вливания, лице выступили красные пятна. – Антонов, ты хоть понимаешь, что к тем четверем смертям прибавилась пятая? И все в нашем районе. Две молоденькие девчушки, женщина ангельского вида, студент-художник и теперь эта певица. И все умирают с радостными рожами в закрытом помещении! Сразу говорю, в мистику я не верю. За свои почти тридцать лет работы в этом бор... органах вся мистика деньгами или сведением счетов оказывалась.

Капитан только кивнул, соглашаясь с начальством.

– Ты хоть представляешь, откуда снято? Место надо искать, пока журналисты не нашли его раньше нас. Какое мнение? Точно наш район!

– Вид из окна, явно с этажа не ниже десятого. Хорошо виден район Синявино. Значит, дом находится в районе улицы Черемушной. Только там такие высокие дома есть. Но их, по моему, не меньше пяти.

– Срочно проверить этажи всех этих домов. Просмотри, из какого дома наиболее похожий обзор. Обойди все этажи. Конечно, опроси всех соседей. Девушка больно приметная. Красавица и певица. Такую запомнят. Могут подсказать квартиру. Если будет закрыто, вскрывай. Всё, игры кончились. Бери, кого хочешь в помощники и срочно выезжай. Думаю, до вечера транслировать видео по телевидению не станут, надо успеть узнать обо всем раньше. Теперь налетят. Отбиваться тебя поставлю. Почему до сих пор не нашел эту паскуду? Бэдмен, мать его, охренеть! Если еще к нему в придачу Джойкер появится – все нам п...ц! Как в Готеме – обнаружится куча улыбающихся трупов. Их уже пять, а зацепки ни одной. И мне вот интересно, почему все эти смерти в нашем отделении? В других их нет. Почему? Суки, гибнут, где не нужно.

Шеф поорал ещё, распиная Антонова, других сотрудников отдела, а также их родственников до пятого колена. А когда выдохся, буркнул:

Чё ждем, чё стоим, рот раззявивши? Сказал же, выезжай на поиски места происшествия!

Глава 4. Поиски

Этой ночью я спал хорошо. Никаких предчувствий новых неприятностей не было. А утром... новый инцидент. Думал о своей спокойной ночи без кошмаров, и только поэтому удавалось сохранять трезвость мыслей. Трезвость и спокойствие, даже под крутой мат начальства, глядя в упор на его апоплексически выпученные глаза. Знал, что пока шеф не выорется и не доведет до предынфарктного состояния себя и подчиненного, никого слушать не станет.

Поэтому молчал и, чтобы не терять время, рассуждал про себя:

«Да, хорошо работает этот Бэдмен. Никак не могу его отследить. И кто он? Защитник несправедливо обиженных, жаждет возмездия, борется с эдаким мальчишом-плохишом? Точно, скоро Джойкер объявится, исходя из сюжета. Видимо, у него, у Бэдмена этого, помощней моей техника, да и он сам поопытнее».

След полученной информации уходил в никуда.

Я имел самые лучшие компьютеры из тех, что мог себе позволить. Подрабатывал, оказывая мелкие, а иногда весомые услуги по поиску нужной некоторым бизнесменам информации. На жизнь и на «игрушки» хватало. Весьма пристойная двухкомнатная квартира, скромная еда, никаких Лэнд Крузеров, только компы. На работе это, конечно, не афишировалось. Лучшего прикрытия, чем работа в ментовке, представить трудно. Выслуживаться у меня не было никакого желания – так, работа, которая позволяла поупражняться в решении логических задач. Хотя часто раскрытие преступления оказывалось до смешного простым. Бытовухи. Ответы просто лежали на поверхности и сами приходили в руки.

Дело с безголовым трупом и пропавшей базой данных, шефа могло бы заинтересовать, но, по всей видимости, у него тут свой интерес, простите за каламбур. Не открывать – значит, не открывать. Сейчас грех жаловаться. Появились не менее достойное дело и достойный противник. Мозг, постоянно требующий загрузки, вышел из спящего режима и возбудил азарт. В настоящее время меня обходили всухую. Чертовски обидно не понимать мотива преступления и не придумать ни одной логичной версии.

После окончания юридической академии с отличием я проучился ещё два года в аспирантуре. Но тема и руководитель вызывали зевоту. Параллельно прошёл двухгодичный курс психологии, так, для себя, из чистого любопытства. И вот теперь в этом гнилом болоте решаю, в основном, как правильно сформулировать название дела: как убийство по неосторожности или самозащита. Пили, пьют и будут пить, а значит, будут бить друг друга. К сожалению, часто до смерти.

Шеф, наконец, кончил «наставления», замолчал и уже внятно произнёс:

– Чё ждем, чё стоим, рот раззявивши? Сказал же, выезжай на поиски места происшествия!

– Есть, – отчеканил, как полагается, и удалился.

Созвонился со всеми, кто должен выехать, распечатал фото девушки, сидящей на подоконнике. Зачем пугать людей видом умершей? Хотя потом, конечно, узнают, но лишний раз смотреть на труп заставлять никого не хотелось, хватит и понятых.

После выехали в район ул. Черемушной. В третьем доме, куда зашли, вахтерша сразу узнала девушку.

– Да это же Маринка Кононова из 97 квартиры на двенадцатом этаже. Знаю ее, конечно. Она тут за бабушкой ухаживала. Преставилась Алла Борисовна на той неделе. Не выздоровела после перелома шейки бедра, от операции отказалась, говорила, что, мол, Бог ее излечит. Ох, и строгая была особа. Властная – страсть. Пройдет, скажет: «Благослови тебя Господь, Ангелина», а у меня мурашки по спине, как будто не благословила, а прокляла. Мариночка хорошая девочка, уж такая раскрасавица да вежливая. Всегда поздоровается. Идет и, чаще всего, что-

то напевает. Хорошая девочка, за бабушкой старательно ухаживала, хотя, по слухам, не совсем в себе та была последний год. Зачем вам Мариночка?

– Потом обязательно расскажу, Ангелина Матвеевна, – ответил вежливо.

Поблагодарил судьбу, что так быстро нашли квартиру. Вызвали лифт и поднялись. Осмотрели замок – без следов вскрытия. Родным ключом открывали. Плохо. Кто-то старательно пудрил нам мозги мистикой. Но я, как и шеф, не верил в неё. Вахтерша вряд ли запомнила кого-то необычного, заходившего в дом. Квартир много.

Легко открыли дверь. Тело лежащей на полу покойницы виднелось из коридора. Осмотр тела и квартиры ничего не дал. Вещи предыдущей хозяйки аккуратно висели в шкафу, на прикроватной тумбочке теснилась целая куча лекарств. Видимо, не успели выбросить. Ничто не нарушало порядок. Ничто не указывало на насильственную смерть.

Определил место, откуда велась съёмка, но камеры не обнаружил. Значит, записали и забрали. Вряд ли эксперты найдут чужие отпечатки пальцев. Работал профессионал.

С сожалением взглянул на девушку: действительно, красивая, очень красивая. На лице застыла ангельская счастливая улыбка. Треш. На отравление не похоже, но тогда что? Конечно, сделают вскрытие и развёрнутый анализ на токсины, но уверен, что ничего не обнаружат.

Эксперт осмотрел тело и не нашел никаких видимых причин смерти. Дело можно добавить в папку к остальным четырем под общим названием: «Мистические смерти в закрытом помещении».

– Забирайте, – обречённо махнул я рукой и подумал, что теперь предстоят «приятные» разговоры с родственниками и друзьями. Куда ж без этого. Сначала, конечно, мать, а потом остальные по значимости.

Спустился вниз, горестно развел руками перед вахтершей:

– Умерла девушка, несчастный случай, вероятно. Может, инсульт. Вскрытие покажет. Он, этот инсульт, Ангелина Матвеевна, сейчас помолодел, знаете ли. Видимо, стресс от смерти бабушки доконал бедняжку.

– Да, да, – растерянно закивала вахтерша, – горе-то какое! Такая молодая и красивая!

На всякий случай спросил, не знает ли фамилию матери. Сказала:

– Зовут Лидочка Васильевна, а фамилия то ли Вертенчук, то ли Артерчук, не помню точно. Она сюда до болезни матери почти не показывалась, а в последний год дочке помогала, только больше Мариночке доставалось присматривать. Бабка-то ее вырастила с малечку.

Поблагодарив за информацию, отбыл в сторону работы. Быстро нашли, только полдень, а труп уехал. По дороге поймал звонок начальства, хотя уже доложил, что тело найдено и отправлено на экспертизу. Услышал раздраженное:

– Антонов, тут х...я какая-то. Нами и этими делами заинтересовались в... черт, высоко. Какая-то дамочка тебе сейчас позвонит. Но, чувствую жопой, не просто журнашлюшка. Ты с ней встреться и переговори. Сам понимаешь, привлекать внимание к расследованию нам не нужно, отмазывайся, как хочешь. Лишнего не болтай – по головке не поглядят. Встретишься с этой дамочкой, потом сходишь к родственнице погибшей. Усек?

Глава 5. Встреча с Наташей

Не успел сунуть в карман смарт, как проиграл входящий. Ткнул пальцем в экран и поднёс мобилку к уху.

– Слушаю.

Приятный девичий голос произнёс:

– Мне бы хотелось с вами встретиться сегодня. Ваш начальник дал разрешение.

– Именно сегодня? Я вообще-то занят сейчас.

– Понимаю, но, поверьте, это чрезвычайно важно, – настойчиво ответила девица.

Я сдался. Да и шеф накрутил про важность встречи. Сдался:

– Ладно, если вы так настаиваете... Где и когда?..

– Через час в кафе «Снежинка». И вам, и мне по пути.

«Она еще и мои пути знает, ясновидящая, что ли?».

– Хорошо. Буду. До встречи, – и нажал отбой.

До «Снежинки» добираться недолго, но мне нужно было собраться с мыслями. О чем и как вести речь.

Кафе, расположенное недалеко от горсовета, в это время пустовало, как, впрочем, и в любое другое время. Да и много ли посетителей у всех этих кафешек? Так, случайно забредут студиясы или парочка какая. Я сразу заметил девушку в строгом офисном одеянии. Девчушка, не дамочка, как я ожидал. Светлые волосы подобраны вверх, что придавало и так деловому виду еще большую строгость. Легкий, профессиональный макияж. Губы чуть тронуты неяркой помадой. Миленькие такие, по-детски еще припухлые губки нарушали слегка строгость продуманного образа. Просто картина «Девушка с персиками» или девушка-персик. «Дурацкая ассоциация», – одернул себя, настраиваясь на деловой лад. Вместо персиков перед девушкой стояла чашечка кофе и небольшой, как их называют, дамский ноутбук.

– Здравствуйте. Это с вами я должен встретиться? – остановился рядом со столиком. – О чём пойдёт разговор? И как к вам обращаться?

– Сергей Викторович, – без обиняков начала девушка, – можете называть меня Наталья. Фамилия Быстрова. Садитесь. Закажите себе кофе или чего хотите. Разговор, я надеюсь, предстоит долгий.

Она еще выше вздернула аккуратный носик, демонстрируя деловитость.

На вид лет двадцать пять, но держалась уверено, видимо, разговоры с незнакомцами ее не смущали.

«Хорошенькая», – о

ценил я собеседницу. Глаза ясные и умные. Тонкие пальчики с аккуратным маникюром немного нервозно постукивали по столу.

– Сергей Викторович, у нас большие, скажем так, очень большие неприятности. Я доверенное лицо мэра... Не смотрите так удивлённо. Да, я молода, но это наша семейная традиция – служить и помогать ему. Мой отец знаком с ним долгие годы, не афишируя это знакомство, конечно. Мэр мне доверяет, потому что знает, что я ни за что его не предаю, особенно сейчас...

Она замолчала, внимательно глядя на меня, и неожиданно улыбнулась. При этом на щеках появились очаровательные ямочки. Затем снова посерьезнела, натянув на лицо официальную маску, и продолжила:

– Человек из нашей службы безопасности рекомендовал вас, как одного из лучших хакеров и разумного человека, к тому же ведущего дела, связанные с информацией от Бэдмена. А также человека, умеющего держать язык за зубами. Будь мы в ином мире, я бы потребовала

от вас клятву верности, а так просто скажу: если информация, которую я сообщу, просочится вовне, вас просто уберут... Именно в том смысле, о котором вы подумали. Это понятно?

И опять улыбнулась очаровательной улыбкой, которая так не вязалась с только что сказанным.

Я слегка опешил. СБУ в игрушки не играют. Хотя там, в большинстве своём, сидят жадные, тупые, беспринципные карьеристы, но попадаются и относительно честные, умные профессионалы. Если им так много, если не всё, обо мне известно, то это плохо. Сколько им известно? Кто сдал? С чего вдруг они мной заинтересовались? Я всегда работал аккуратно, через третьих лиц и другие страны. Но факт налицо.

Решил дослушать дамочку до конца, раз уже сижу на крючке.

– Вы согласны на сотрудничество? Если нет, сделаем вид, что этого разговора не было... Хотя отказ... может сказаться на вашей дальнейшей профессиональной – и не только! – деятельности... Это не угроза, а... предупреждение. Вы попали, как и я, впрочем...

– А вы-то как оказались в этом болоте? В ваши годы нужно интересоваться парнями, а не убийствами, – отпустил не очень удачный комплимент.

– Потому, что это в моей компетенции. Не афишируемая нигде работа. Сама, в сложившейся ситуации, с этим справиться не могу. Есть некоторая информация и определённые догадки, но их нужно или подтвердить, или опровергнуть и сделать правильные выводы.

– А как же СБУ?

– Они задействованы, вчера организовали специальный отдел, который, в том числе, изучает информацию, связанную с «супергероями» и «суперзлодеями». Но занимаются они не только Бэдменом. Информация об их работе засекречена, и доступа к ней у меня нет. Они не против нашего с вами сотрудничества, и за это спасибо. Бэдмен неуловим, и мотивация его действий непонятна. Джойкер тоже неуловим и нахален донельзя. Конечная цель его действий тоже неясна, от слова совсем. Смена ли это власти в городе или что-то другое?

– Так и Джойкер уже появился? Да, и зовите меня просто Сергей. Не люблю официоза.

– Увы, появился, и совершил очередное ужасное преступление.

– Убийство девушки-певицы?

– А там точно убийство?

– На мой взгляд – однозначно, но вскрытие покажет. Выглядит мистикой, как и предыдущие четыре.

– Если бы только девушка, – тяжело вздохнула Наташа. – Так вы согласны на сотрудничество, Сергей Викторович, простите, Сергей?

– Куда я денусь? – развел руками. – Рассказывайте. Я давал присягу при поступлении на работу и вам могу сказать, что если дал слово, то его держу. Что там Джойкер совершил? С нами только Бэдмен связывается, и то непонятно, из добрых ли побуждений или по приколу. Помощи никакой, кроме сообщений о совершенном преступлении. Просто мы можем быстрее реагировать. Сегодня не только начальство, но и весь отдел ознакомил. Бэдмен сообщил, что разослал сообщения на все телеканалы. Будем смотреть. Обывателям будет, о чём поговорить.

– Я думаю, вечером у них появится возможность не только об этом случае поговорить. Сенсаций хватает.

И перешла почти на шёпот:

– Сегодня, во время ежедневной утренней пробежки, тяжело ранен мэр. Сейчас ему делают экстренную операцию в неотложке. Потом перевезут в европейскую, возможно, австрийскую клинику. Существует большая вероятность, что он не выживет, а если и выживет, то не скоро встанет на ноги, если вообще встанет...

– Что, Хермеса подстрелили? – поразился.

Кличку Хермес наш мэр получил после того, как, прокладывая магистраль, связывающую два городских района, вырубил большой зеленый парковый участок, под предлогом, что

деревья заел вредитель хермес. Возмущался почти весь город. «Зеленые» стояли стеной, но все, что нужно было вырубить – вырубили. И теперь магистраль негласно и повсеместно называют Хермес-штрассе.

Я непроизвольно сцепил пальцы рук. Дела! Это уже ни в какие ворота не лезет. Хотя убийств политических в стране полно. Все они были странными и не раскрываемыми. «Джо» неуловим не потому, что его не могли поймать, а потому, что это никому не нужно. Убийства, списывали на самоубийства. Кто-то сам выпадал из окна или неправильно переходил улицу. Вспоминалось якобы самоубийство начальника МВД двумя выстрелами в голову. Второй он «сам» себе сделал – контрольный, чтобы наверняка. Опера пошептались об этом, но только на улице. Даже в курилке невероятность этого «самоубийства» не обсуждалась.

А юная милостивая девчушка, искренне уверенная, что существует справедливость, для себя решила, что, если служить своему начальнику, то только преданно и честно. Возможно, ей дадут медаль посмертно и напишут большую статью в газете. Истина, немного перефразированная, гласила: очевидцев, впрочем, как и ясновидцев, во все времена сжигали на кострах.

Я посмотрел на нее грустно. «На сколько же я старше неё – лет на семь? А кажется, что на семьдесят».

– Бэдмен начал присылать письма на личную почту мэра с предупреждениями о возможной грядущей опасности и о возможном покушении. Мэр к этому относился скептически, привык к угрозам, поэтому, кроме меня, о письмах не знал никто. А три дня назад появилось письмо, подписанное «Джойкер». В нем этот гад просто открыто угрожал. Но Альфредович и на этот раз проигнорировал угрозы. Он считал, что это не происки каких-то мифических персонажей, то бишь Бэдмена и Джойкера, а козни бывшего губернатора, с которым они враждуют. И не хотел показывать, что он его боится. Повторяю – никто, кроме меня, не знал о письмах. Мэр приказал только усилить охрану, но это, как видим, не помогло. Я не раз просила его не игнорировать сообщения и поостеречься, но он отмахивался. Только вчера, словно что-то предчувствовал, сообщил, что если я так беспокоюсь, то есть человек, который тоже занимается делом Бэдмене, и умеет думать головой. И порекомендовал связаться с вами. Когда он мне это сказал, я сначала подумала, что он просто хочет, чтобы я отвязалась и перестала беспокоиться по, как он думал, пустякам. Вроде бы при деле и не донимаю советами. А теперь, когда случилось такое, не знаю, что и думать. Сейчас всякое может произойти в городе.

Она казалась расстроенной, и, чтобы скрыть это, пригубила кофе.

– Не думайте, я не боготворю мэра, не обольщаюсь насчет его криминального таланта. Он не пропускал ни одной возможности заработать, но он многое сделал и делает для города, сами знаете, и любит его. С нашей постоянно меняющейся властью он, как опытный стратег, все время меняет ходы и старается приспособиться. Его многоходовки – это что-то, поверьте. Иногда он действует, как провидец. И то, что он мне порекомендовал, а я считаю, поручил – сделаю.

Она осторожно осмотрелась, вероятно, проверяя, не следит ли кто, и продолжила, будто уговаривая меня со всей серьезности отнестись к поручению мэра:

– Он очень странный и своеобразный человек. Назвала бы его Игрок. Не только по известному всем автобиографическому факту, но и по жизненной позиции. Мерзавец – безусловно, но и гений однозначно. Память удивительная. Работоспособность бешеная. Спит четыре часа в сутки, остальное время работает. А теперь, пока он оклемается, и если оклемается, многое может измениться.

– Не могу поверить. Извини, перехожу на ты окончательно. Так ты потому ко мне обратилась? Из-за непонятно чем вызванной рекомендации мэра? Я капитан районного отделения полиции, моя компетенция бытовухи.

– Нас с твоими делами связывает то, что и там, и тут фигурируют мистические Бэдмен и Джойкер. Мы будем работать вместе. Я не отстану. Меня не уволят и не станут тщательно

следить – не ключевая фигура. Мало кто, вернее, почти никто не знает о моей глубокой погруженности в дела мэра, поэтому, как менеджер по связям с общественностью, буду в курсе многого.

Я скептически хмыкнул. Она что, не понимает, что если станет регулярно встречаться с ментом после работы, легко сложить два и два? И ее, и меня уберут вместе или по очереди. Мне не нужны такие очевидно-наглядные связи с девушкой из администрации мэра.

– Не волнуйся, я просто клерк, про то, что мы будем заниматься проблемами неких Бэдменов и Джойкеров, никто не узнает. Ты занимаешься своими делами, я своими, а встречи обставим, словно мы пара, будто я твоя девушка.

Я чуть кофе не поперхнулся.

– Ты это серьезно? Мне только подружки с моими проблемами не хватает.

– А у тебя есть лучшая идея встречаться, не привлекая внимания? Я смонтирую материал – фотки, переписку, будто мы уже давно знакомы. Ты ездил в Карпаты в прошлом месяце на неделю, и я с тобой там была. Совпало, как раз в отгулах была. Поверь, сделаю так, что никто не усомнится, что мы отдыхали вдвоем. Покажу пару-тройку обнимашек на фоне гор – и ОК. У тебя есть соло селфи из тех мест?

Я автоматически кивнул.

– Ну, а теперь на них мы будем вдвоем. Понял идею?

Идея мне не нравилась от начала до конца. Девица, конечно, ничего себе так, можно и «пообниматься», но необходимость серьезной работы с этой пигалицей совсем не радовала. Однако профессионал во мне желал выяснить некоторые факты.

– Что было в посланиях Джойкера?

– Он сообщал, что на город опустится тьма, и всадники Апокалипсиса пролетят по нашим улицам. Огонь взметнется до небес. И горы улыбающихся трупов завалят город. Еще какую-то чушь. Вот, послушай, – протянула мне новенький смартфон.

Так и есть, предупреждение о конце света в отдельно взятом городе. Наташа забрала телефон и продолжила:

– Вчера пришла конкретная просьба, скорее, требование. Он сообщал, что нужный ему человек хочет приобрести один из городских телевизионных каналов. Даже почту какую-то придумал, конечно, одноразовую – для связи. Как ты понимаешь, тут в верхах все схвачено, и наживать себе политических противников или конкурентов никто не собирается. Телевидение – важнейший канал связи с электоратом, кто из влиятельных даже от маленькой возможности толкать свои взгляды откажется?

Я заказал себе и ей еще по чашечке кофе.

– Мэр вчера ответил ему однозначно: «Каналы самим нужны. Все заняты». А сегодня его подстрелили.

– А какую тематику канала озвучил предполагаемый покупатель?

– Новостийно-просветительную.

– Очень широко и не конкретно. Можно говорить о чем угодно, как и просвещать разным вещам.

Вдруг Наташа, обворожительно улыбнулась, пересела за соседний стул, чмокнула меня в щеку и начала тереть волосы, тихо нашептывая:

– Сделай лицо попроще и изобрази мужской интерес, сейчас в кафе зашел сотрудник нашего отдела, легенду надо отработать.

Я соображаю быстро. Хотел даже пересадить ее себе на колени, но стулья оказались высокими, а стол низким, так что перебор. Поэтому просто взял ее за руку, поцеловал пальчики и стал тереть шелковистую русую прядку, выбившуюся из строгой прически. «Драмкружок на выезде», – мелькнула язвительная мыслишка. И сразу стало весело.

– Милая, – произнёс громко, лукаво глядя ей в глаза, – у тебя перерыв, вероятно, заканчивается, давай вечером, как обычно. Сейчас тебя провожу, у меня есть еще немного времени, а так дела, дела, но это мужские игры, девочкам они не интересны.

– Да-да, конечно, – поддержала игру Наташа и мило улыбнулась, опять показывая очаровательные ямочки на щеках.

Она зацепилась за мой рукав, и мы выплыли из кафе.

Ласково глядя мне в глаза, она произнесла:

– Вечером расскажешь все, что удалось выяснить о смерти в закрытом помещении. Я узнаю подробности нападения на мэра. Делом о покушении на него, конечно, будет заниматься особый следственный отдел, скорее всего, пришлют кого-то из столицы. Пока они раскачаются, вникнут – время пройдет. Многие не любят его, подозреваю, постараются затянуть следствие. Вероятнее всего, вообще ничего не выяснят, как всегда. А я уверена, твои дела и покушение на мэра связаны. И тут, и там информатором выступает Бэдмен. Но про это в мэрии знаю только я и сам мэр. В СБУ – только абсолютно проверенные люди. И они не рекомендовали мне сообщать столичным о предупреждениях Бэдмена и угрозах Джойкера. Сказали, сами разберутся. Не любят столичных.

– Наташа, – я постарался завершить разговор, – получается, Джойкер играет открыто и предъявляет конкретные, понятные требования. А Бэдмен как бы только в уголовной хронике мелькает – добрый и пушистый. Защитник слабых и обездоленных... Интересно посмотреть, что за возня творится в вашем гадюшнике после покушения. А кто будет ВРИО мэра, не знаешь?

– Скорей всего Петренко, – вздохнула Наташа. – Его спустил к нам из столицы с полгода назад Яцинский. Это его человек. Во многое успел пустить корни. Это очень, очень плохой вариант, поверь... До встречи.

Она еще раз чмокнула меня в щеку, посмотрела «влюбленными» глазами, и побежала в горсовет. Артистка.

– Да уж, дела, Сергей Викторович. Хотел интересного и мозгодробительного – получи и распишись, – пробормотал под нос.

Глава 6. Встреча с родственниками погибших

Я покрутил в руках смартфон – не сданный вещдок из квартиры Марины. Все равно наши «орлы» разбираются в электронике, как свинья в апельсинах. Посмотрю сам. Меня грызло смутное подозрение, что какой-то момент из видеозаписи Бэдмена вырезан. Стоит проверить журнал входящих звонков, смс, поковыряться в кэше... Вдруг обнаружу чего, не отображённого на видеозаписи.

Пробив по базе адрес Мариной матери, не стал вызывать женщину в отделение, а поехал к ней сам.

Меня пустили в квартиру, которая соответствовала образу хозяйки. Серая, скучная, безжизненная, небогатая. А ведь раньше женщина была красивой. Сейчас она напоминала увядший цветок.

Присел на предложенный стул и сообщил, что у меня неприятные известия. Женщина напряглась, судорожно схватилась руками за старенькие домашние штаны и впилась в меня, не мигая, большими, как у дочери, карими глазами.

Сообщил горестную новость. Рассказал версию о вероятном инсульте – зачем пугать заранее, а вдруг, и правда, инсульт?

Женщина опустила голову, а потом глухим, надтреснутым голосом сказала:

– Она всегда забирала то, что считала своим. Это она забрала Маринку. Гадина.

– Кто и куда забрал? – озадаченно попытался выяснить.

– Да матушка моя «святая», Алла Борисовна. Она забрала ее у меня, когда дочка была совсем крохой. И теперь забрала с собой. Не захотела оставлять мне. Маринка была здоровой, ну, немного эксцентричной, неуравновешенной, но инсульт у нее не мог случиться. Мать грозила мне, что девочка уйдет вслед за ней. Вот и забрала. Была одна, одна и осталась, – и заплакала тихо и безнадежно, без всхлипываний, только плечи тряслись.

Я спросил, есть ли в доме какое успокоительное. Она слабо махнула в сторону комода.

– Верхний ящик...

Достал пузырёк барбовала, накапал в чашку с водой сорок капель, подумал, и добавил ещё два десятка.

Мне не хотелось, чтобы она погрузилась в глубокий шок от осмысления случившегося. Поэтому, когда плечи перестали так сильно дрожать, попросил все-таки рассказать, почему дочь воспитывала бабушка, а не родная мать.

Красные глаза и обкусанные губы сделали лицо матери более живым, по сравнению с серой тенью, встретившей меня на пороге квартиры.

– Да я последний человек была для мамы, блудница, грешница. Мой первый муж – студент, хороший такой мальчик... Влюбилась в него, как результат – ребенок. Он порядочный, сразу женился на мне, как узнал...

На миг замерла, как бы погрузившись в воспоминания, потом качнулась, возвращаясь из глубин памяти, и продолжила:

– Мама считала его легкомысленным, и добилась того, чтобы мы расстались. А он и сейчас все такой же хороший... Маринка только после того, как вышла замуж, с ним познакомилась, раньше бабушка не разрешала. Он так обрадовался! Помогать ей стал... Я всегда была никакой, послушной, ничего не значащей овцой. После развода, вообще никому не нужна стала, только Богу... Стала неистово молиться. Пастырь напутствовал, что все грехи мои простит Господь и о дочери позаботится, если буду верно служить церкви. Сказал, что отныне не должна больше выходить замуж. Повторный брак не по вдовству, по канонам веры – блуд. Если бы тогда это осознавала, не разошлась с Сашей никогда. Однако так случилось, что встретила другого мужчину. Но я же овца... Позвал замуж. Вышла второй раз. Муж... – помолчала. –

Мы и сейчас живем. Нормальный муж, чуть выпивает, бутылочку пива в субботу. Другие бы так пили, смешно... К дочке относился нормально. Все равно мать забрала Маринку и отлучила меня от церкви. Прошла весь этот ужас отлучения, и все эти годы не могла принимать участия в причастии. Спасибо, что разрешили присутствовать на собраниях.

– Вы так и ходите в эту церковь? – удивился.

– Я верю, что Бог меня любит, а люди... Хотя мне очень плохо до сих пор, когда на меня смотрят, как на блудницу. Сейчас поспокойнее стало, а раньше совсем строго было.

Я мысленно диву давался. Средневековье какое-то. В наше время – и такой бред. Хотелось понять ее поступки, но времени не хватало. Надо было выяснить про связи ее дочери.

– Куда последнее время ходила Марина?

– Да как всегда – по воскресеньям пела в прославлении в церкви «Победа». Прославление – это песни хвалы Господу. Поются в начале и в конце служения и между проповедями. Но мне кажется, что стала куда-то еще ходить петь. Говорила про какие-то репетиции, но время и дни ее репетиций в «Победе» были другие. Я не придавала этому особого значения, да и не задумывалась особо. Мы с ней вместе за бабушкой ухаживали, ее нельзя было оставлять одну. Бесновалась она временами. Проклинала нас, грозила вечными муками. Описывала их в красках. Замучила совсем своими речами. Хотелось бросить ее в этот момент, но нельзя отойти, металась, свалиться могла с кровати.

Лидия Васильевна замолчала, погрузившись в глубины подсознания. Глаза при этом оставались абсолютно пустые, будто выгорело в ней все. Абсолютно все. Качнувшись, будто очнувшись, продолжила:

– Марина последние два месяца отпрашивалась у меня частенько. Возвращалась спокойная и умиротворенная, как будто прикоснулась к чему-то великому, сокровенному. Я за нее радовалась. Сама от материнских слов сходила с ума, а за неё радовалась, что она может отвлечься.

– Она что-нибудь рассказывала, когда возвращалась с этих песнопений?

– Да нет, не особенно. Как-то обмолвилась: «Мы там поем, мама. Нас немного, но как это великолепно, как освобождает от брэнного и сиюминутного! Я буду спасена. Он скоро придет, совсем скоро, ты должна тоже молиться о спасении. Только 144000 спасутся. В „Победе“ такому не учат».

– Он – кто?

– Вероятно, Иисус. Я так поняла. Да вы поговорите с ее первым мужем. Она с ним иногда встречалась, беседовала. Он ее поддерживал. Она ведь совершенно не приспособлена к жизни. Теперь хоть квартира у нее была бы. Приватизирована на нее, да и прописана она там. Выходит, хозяйкой и не успела побыть. После развода на съемной жила, не хотела с бабкой под одной крышей. Олег оплачивал ей жилье, муж ее первый.

– Телефончик или адрес Олега знаете?

Я знал, что под воздействием успокоительного она вскоре уснет, а когда проснется... Чем я мог помочь? Сколько раз уже вот так оставлял людей со своим горем одних, без помощи. Без всякой надежды и возможности что-то изменить. Проклятая профессия! Все, надо уходить. Совсем сукой стану. «Если уже не стал», – повторил, как какую-то мантру.

Телефончик записал. У Лидии Васильевны уже закрывались глаза. Попрощался и подумал, сколько же тараканов в голове у людей. Запретили жить с мужем, забрали дочь, прокляли и отлучили от церкви. А теперь ещё добавилась уверенность, что бабка после смерти забрала внучку с собой. Средневековье. А ведь она в институте училась, бухгалтером работает, с людьми общается.

Вышел на улицу, вдохнул глубоко, прочищая лёгкие от спёртого воздуха квартиры, пропитанного скорбью и резким запахом успокоительного. Встряхнув головой, чтобы привести мысли в порядок, стал набирать номер первого мужа Марины.

Мы договорились встретиться в его офисе. Секретарша, не спрашивая, сразу принесла две чашечки кофе. Я представился, и он тоже сказал о себе пару слов. Почти мой ровесник. Свой бизнес, говор образованного человека, да и выглядел вполне адекватным вменяемым парнем, не из прошлого века. Рассказал ему версию об инсульте. Известие о смерти бывшей его искренне опечалило. Понуро опустил голову. Потом взглянул на меня пристально:

– Раз следователь в чине капитана пришел навестить меня сам, существует версия, отличная от инсульта, или я ошибаюсь?

– Да, версия существует. Ваша проницательность делает вам честь, но озвучивать предположения сейчас не имею права.

Попросил поделиться своими воспоминаниями, особенно за последний период жизни усопшей.

Он пил кофе и нервно ломал принесенное секретаршей печенье на мелкие кусочки.

– Она такая по жизни неприспособленная. Но красивая невероятно. Ни для мира сего, ни для семьи не создана. Алла Борисовна всю психику ей изломала. Страх перед гневом Божиим внушила, неверие в себя, и при этом у неё оставалась детская непосредственность, подкупающая людей. А как пела! Стоит такая красивая, поет. Ангел. Только для жизни на небесах, не на грешной земле. Может, кто и выдержит такое, только я не смог. Но поддерживал ее после развода, как мог. Снимал квартиру, давал деньги на проживание. Окружающие не понимали моего поведения, а я знал, что пропадет, беспомощная и не совсем здоровая. Думал, второй муж ее защитит от страхов. Нормальный парень. Любил ее и такую поломанную. Не только за красоту, какая есть, любил, без розовых очков. Я так не смог. Только через два месяца после свадьбы у него случился инфаркт. Не везло ей, ой, не везло – не то слово.

– Вы с ней встречались, разговаривали?

– Да, беседовали изредка, раз в неделю, иногда реже. Чаще, когда ее депрессия заедала.

– Не замечали странностей или изменения поведения последнее время?

– Да, заметил. В последний раз она вдруг начала мне о необходимости спасения и скором конце света говорить. Мол, приходи к нам. Спасутся только 144000 человек. Он скоро придет. Но мне про спасение и ее бабушка в свое время плешь проела, какой я грешник и бросил девочку. Полгода звонила каждый день и виноватила, угрожала, что не попаду на небо, пока не выдержал и не заблокировал её номер. Когда она сломала шейку бедра, предлагал дать денег на операцию, но она сказала, что Бог ее излечит. От боли, видимо, она совсем рассудка лишилась. Маринку и мать ее все время проклинала. Жалко ее. Эх, Маринка, Маринка, – вздохнул горестно. – Наверно, надо с похоронами помочь.

– Не спешите пока, она еще некоторое время в нашем морге побудет.

– Что, настолько непросто? – взглянул понимающе, а я неопределенно пожал плечами.

– Последний вопрос: вы не покупали ей вот этот телефон? Он новый, а, судя по ее жизненным обстоятельствам, девушке не по карману такая покупка.

– Нет, не покупал. Телефоны она теряла часто. Покупал, но попроще. Этот сам заметил и спросил – откуда. Сказала, подарили. Кто – не ответила. Она девушка красивая, может, кто-то еще увиваться за ней начал. Подумал – хорошо, отвлечется. Расскажет потом, когда захочет.

Мы попрощались, и я задумался, пытаюсь систематизировать услышанное.

Получалось, что девушка ходила в эсхатологическую секту. Туда, где готовились к концу света и набирали адептов, послушников. Такие секты появляются то там, то сям постоянно. Часто спонтанно и ненадолго. Но какой им смысл убивать и как они это провернули? Для простой маленькой секты все слишком сложно. Видеокамера, съемки, супергерои... Обставлено все грамотно. Нет, маленькая самодеятельная секта на такое не способна. Только большая и богатая или хорошо спонсируемая. Может, действует много маленьких сект под единым руководством? Если так, это очень плохо. Попробуй, найди разрозненные группы, они там как партизаны-тараканы по углам скрываются. Конспирация на высоте. А как это укладыва-

ется в случаи с другими погибшими? Например, с парнем художником. Надо все разложить по полочкам.

Наконец, добрался до работы. Запер кабинет и не пошел на доклад. Надо собраться с мыслями и прописать все факты, объединяющие эти дела. Открыл тощую папку.

Итак, Павел Ляпунов. Ученик института искусств. Рисовал. Последнее время тематика картин поменялась на религиозную. Ангелы, лошади к картине «Всадники апокалипсиса». Наброски картин с девой Марией. Умер с блаженной улыбкой возле мольберта. Что находилось рядом с телом? Напряг память. Стоп. На нем были наушники. Значит, слушал музыку во время рисования. Музыка с телефона, лежащего рядом, выключенного. Выключил сам или кто-то. А наушники снять не успел. Та же счастливая улыбка. На пленке, присланной Бэдменом, момент звонка и разговор не отображен. Был ли он в действительности или вырезан?

Одна из погибших девушек перед смертью занималась дома зарядкой. Скорее всего, под музыку. Звонок и разговор по телефону не отображен или вырезан. Интересно, мобильник в вещдоках есть? Нужна кропотливая работа с записями, присланными Бэдменом.

Вот на четвертой пленке момент звонка зафиксирован, потому что девушка в этот момент занималась танцами в небольшой студии. Свидетельницы рассказали, что ей кто-то позвонил, она обрадовалась очень. Выключила телефон и начала танцевать, но не тот танец, который они разучивали. Потом закружилась и упала замертво со счастливой улыбкой на лице.

Вот наша первая жертва. Про женщину совсем мало информации. Она единственная не вписывается в возрастную группу молодежи, хотя последняя погибшая, Марина, тоже уже не девочка, но только по возрасту, а так явно запуганный ребенок. Про эту женщину вообще ничего не известно, и дело закрыли бы, если б не дурацкий звонок Бэдмена. На пленке женщина на полу со счастливым лицом. Рядом с ней ничего нет. Я всё прошерстил, как ищейка. Глухо.

Сходил к шефу, доложил о проделанной работе. Искупался в его презрении и отправился домой, попадая как раз к выпуску новостей восьмого канала. Они-то уж не пропустят такое происшествие.

Глава 7. Новости на TV и интересный разговор

Новости шли своим чередом, скучные, пресные, отвратительно снятые и так же отвратительно поданные. Этот канал я бы без сожаления отдал в руки продвиженцу Джойкера, так жаждущему стать владельцем телеканала. «Досмотреть бы и не уснуть, тут еще надо с мобильником разобраться», – мелькнуло в голове. И тут запустили новую информацию.

На фоне других сюжетов этот выделялся хорошей проработкой, подготовкой материала и отличной съемкой. Сначала на экране возникла девушка, живая-живёхонькая, и запела какую-то мелодичную песню, вероятно, по-итальянски. Запела чисто и пронзительно проникновенно. Звукозапись сделана на профессиональной аппаратуре и откорректирована. Клип такого уровня стоил больших, очень больших денег. У Кононовой таких точно не было.

Марина, в белом простом платье, босая, с распущенными волосами, стояла на фоне Нотр-Дам-де-Пари. Разгорался пожар. Потом огонь поглотил всё строение, и оно начало рушиться. Фигура девушки таяла в последних аккордах и грохоте рушащихся конструкций. Затем следовало видео ее смерти. То, что прислал Бэдмен.

После выступил журналист и сказал кое-что интересное.

– Невероятное творится в нашем городе. Такие чистые души покидают мир. Пока наша доблестная полиция не может разобраться, да и хочет ли, отчего и как умерла Марина Кононова, мы опросили людей, знакомых с девушкой, и вот что они рассказали:

«Она была ангелом, – вещала какая-то невзрачного вида женщина, а сбоку экрана наложенным кадром проступал силуэт Марины, тихо играла музыка и звучали слова какой-то христианской песни. Я напрягся, вслушиваясь в слова женщины. – Я знала ее хорошо, и утверждаю, что она была ангелом, и Бог забрал ее. Сначала забирают лучших, самых лучших, но он заберет и нас, скоро заберет. Только верьте и покайтесь. Покайтесь. Он грядет. Спасутся только 144000. Остальные погибнут в адском пламени, как проклятый собор».

И опять поющая Марина, одна, на церковной сцене. Далее следовало:

– Даже прогноз погоды на фоне смерти этой удивительно прекрасной и чистой души кажется предсказуемым. Завтра город ожидают дожди и грозы. Температура воздуха немного повысится, до 20⁰ выше нуля. Небо плачет, – пафосно произнес ведущий, и появилась заставка новой программы.

– Ни хрена себе пропиарили! – вырвалось у меня. – Кто слил столько денег за сюжет? Завтра нужно срочно наведаться в телестудию.

И тут меня как громом в темечко стукнуло. Стой, а про покушение на мэра, почему ничего не сказали? Я судорожно набрал телефон Наташи.

– Слушаю, Серёжа, – прозвучал нежный девичий голосок. – Думала, ты уже сегодня и не позвонишь, а я скучала.

– А как я скучал, ты просто не представляешь. Не жаль денег на такси, только чтобы увидеть тебя и пожелать спокойной ночи.

– Я тоже буду плохо спать, не увидев тебя, милый, – промурлыкала девушка. – Ты, правда, приедешь? Я ставлю чайник.

Такси прибыло сразу, и через двадцать минут я уже поднимался в квартиру Наташи. Координатами мы обменялись еще днем.

Наташа быстро впустила меня и улыбнулась обворожительно. В симпатичных спортивных штанишках и парке, с волосами, не собранными в тугий пучок, она казалась особенно милой. Но первое, что я сделал, войдя в квартиру и сказав «здрасьте» – это включил детектор радиозакладок – прибор для обнаружения любых шпионских устройств.

– Не волнуйся, чисто, – улыбнулась она, – проверяю ежедневно. Мой дом – моя крепость. Так что случилось, ты с новостями?

– С пустяками не тащился бы. Восьмой канал смотрела?

– Нет, знала, что про мэра сегодня не покажут. Только до дома добралась. На работе полный хаос. Слишком много на него лично завязано. Кто уже подлизывается вовсю к новому ВРИО, кто пытается не вляпаться и не слишком отсвечивать. СБУ со всех взяло подписку о неразглашении. Но завтра обязательно объявят, думаю, с утра. Его уже отправили в Европу, а то тут и добить бы могли. Получила вечером послание: улыбку Джойкера из последнего фильма и его «Хи-хи-хи».

– Какие-то новые распоряжения от ВРИО поступали?

– Пока нет. Ничего нового пока нет. Давай, твои дела обсудим, ты ведь за этим приехал. Выкладывай. Только без лишней воды.

Глянул на нее обижено и начал:

– Убитые, о которых сообщил Бэдмен, скорее всего прихожане эсхатологических сект, ну, верящих в скорый конец света, или разветвленной одной, хорошо замаскированной секты. Богатой, к слову.

– Рассказывай, не тяни kota за хвост. Я знаю, что такое эсхатологическая секта.

– Посмотрел репортаж по восьмому каналу. Отснято потрясающе, технчно, профессионально. Поставлено и смонтировано не тят-ляп, выверена каждая деталь. Девушка, поющая на фоне горящего собора, в легком белом платье – постановочная профессиональная запись. Интервью с женщиной тоже показывает, что к убийству готовились. Съемка сделана утром и в более ранний срок, не вчера, не та погода. Наложить сюжет так качественно – не простая работа, не на час. Вставить в него реальную съемку смерти – тоже нужно потрудиться. Женщина, рассказывающая про ангела Марину, про то, что забирают лучших, а потом и за нами придут – неприкрытая агитка учения о спасении 144000 избранных, в число которых нужно срочно попасть. Там же угроза не покающимся. На нашей телестудии такого уровня ролик не сделать. Уверен, завтра, а может, даже сегодня, он всплывёт в Ютубе. Мать Кононовой и ее бывший муж говорили, что Марина рассказывала им о скором конце света и 144000 спасенных, и ненавязчиво предлагала ближним присоединиться.

– А предыдущие случаи как с этим связаны, только лишь одним звонком Бэдмена? – спросила Наташа задумчиво.

– У меня проклёвывается некоторая догадка. В одном случае на видео зафиксировано, что жертве перед смертью позвонили на сотовый. На других видео звонок не отображен, он стерт, очень профессионально, опять же. Возможно, но не представляю как, сообщен какой-то кодовый сигнал, запускающий установленную ранее программу самоуничтожение человека. Это самое странное. Это похоже на фантастику, но звонки были, я уверен. И телефон Марины особый. Это их прокол – оставить телефон. В нем, в принципе, нет функции резервного копирования, и вообще он необычный. Штучный экземпляр. Поэтому, если она и другие жертвы, по предварительной договоренности, удаляли звонок, то я отследить его не могу. У нее и парня телефоны одного типа. У девушек, кажется, тоже, проверю, но, как я помню, похожи.

Я замолчал, собирая другие воспоминания с мест происшествия.

– Зачем им эти смерти? Нелепо – малышня, не политические деятели, – выразил мысли вслух.

– До политических, как сам знаешь, тоже добрались.

– А смерть Марины – рекламный ролик движения, предрекающего конец света. Но как они связаны с покушением на мэра? К сожалению, количество светлых ангелов, умерших с улыбкой на устах, может резко возрасти после показа этого репортажа. А сам репортаж, видимо, нужен для раскачивания сознания. Ната, скажи, а как мэр? Он не препятствовал открытию ряда религиозных общин?

– Да нет, куча разных протестантских направлений открыла в городе церкви. Иеговисты на улицах как у себя по квартире разгуливают, в дома ломаются. Мэр только совсем уж мутные не разрешал открывать. Я бы сказала, не препятствовал свободе вероисповедания.

– Неважно, – прервал я. – Уже тот факт, что не разрешил кому-то, – для них повод, а значит, могут выдвинуть версию: Бог его покарал за отсутствие страха перед ним, и дело примет не политическую а, в некотором роде, религиозную окраску. Что им и нужно. Это, конечно, так, мысли вслух. И да, кстати, ВРИО верующий?

– Он своеобразной веры или учения придерживается. Сам знаешь, Яцинский, а особенно его сестра – значимые фигуры в организации дианетиков и саентологов. Сейчас загулю, чем они дышат.

Она быстро набрала запрос на айфоне.

– Вот, нашла. Википедия пишет: «Учение, методики которого, согласно автору Рону Хаббарту, могут помочь снизить влияние прошлых нежелательных ощущений и эмоций, нерациональных страхов и психосаматических заболеваний. Имеет дело якобы с человеческим духом. Дианетика является предшественницей и разделом Саентологии. Используя Саентологию, человек может повысить свой уровень духовного осознания и способностей и осознать своё бессмертие. Эрик Фромм, обращаясь к ее почитателям, написал так: «Дианетика: искателям сфабрикованного счастья».

Учение дианетику во многих странах относят к сектантским и деструктивным психокультам».

Наташа покрутила телефон и положила на стол.

– Серёжа, нам, кроме секты эсхатологии, еще секты с деструктивным психокультуром не хватает, – произнесла расстроено. – Думаю, теперь Петренко даст еще большую свободу разным сектантам. Вот, что они понесут людям? Кто тут у кого помощник – вопрос. Предположим, взаимовыгодное сотрудничество. Но и желание получить канал, и сведения политических счетов нельзя отменить.

Она помолчала, налила мне нового горячего чая, предыдущий совсем остыл за разговорами. Мы пили и думали. Эклеры были замечательно вкусные. Я даже не заметил, как мы перешли на легкий, необременительный тон общения, и произнес:

– Вера верой, но ведь материальную заинтересованность в прихожанах еще никто не отменял. Давай оставим покусение на мэра и вернемся к улыбчивым трупам. Две девушки из обеспеченных семей, могли жертвовать. Они, кстати, порвали с родителями, ушли жить на съемные квартиры с подругами. У парня-художника в семье, по слухам, хранится неплохая коллекция картин художников советского реализма. Такое на стенку не вешают, а за рубежом на них спрос. Надо узнать, что с ней.

– Как и то, что стало с Марининой квартирой, – добавила Наташа. – Вот только зачем такое крохоборство – небольшая квартирка, пожертвования, картины? Если это богатая организация, а исходя из реалий, на хакерство, ролики и съемки требуются немалые деньги, и они имеются, зачем крохоборничать?

– Везде работают люди. Их надо подкармливать, имею в виду среднее звено, чуть-чуть причастное к великому. Верхушка – та всегда живет хорошо, а среднее звено, вербовщики, трудятся, и им хочется кушать, на их содержание нужны деньги: на книги, музыку, съем помещений, на просвирки или что там едят и пьют. Да и афишировать наличие больших денег не стоит. Обленятся. Лучше пусть зарабатывают сами и чувствуют себя значимыми.

Наташа слизывала крем с очередного эклера, задумчиво крутя в другой руке ложку.

– Твои выводы логичны, но опять эти 144000, – сказала и посмотрела на меня странным взглядом.

– Почему опять?

– Иеговисты так считают, и ты помнишь жуткое дело с Белым Братством, кажется, 1993 год, у них тоже фигурировало 144000 спасенных. Я не очень с этим знакома, до моего рождения дело происходило.

– Да и я знаю не много, хотя уже жил в те года. Только то, что проходили в академии, но не подробно, или мимо меня как-то прошло.

– Провожу тебя и почитаю, – сказала Наташа с явным намеком, что пора выметаться, наговорились. – Там тоже зомбировали и как-то очень круто. Нам рассказывали о методах подчинения людей, но этот был из ряда вон выходящий случай. Не буду ничего говорить, пока не прочитаю досконально.

Повисла тишина, все было обговорено. Может, и не все, но очевидное.

– У тебя симпатичная кухонька, – сказал просто так, – да и квартирка ничего так. Твоя или съемная?

– Моя, – усмехнулась Наташа. – Не начинай из себя изображать героя-любownika, спальню показывать не поведу, а вот поработать воздыхателем придется.

– Когда? – сделал я удивленные и невинные глаза – хотелось немного расслабиться от этого мозголомного марафона.

– Завтра, мой милый друг, завтра. У близкой подруги день рождения, и мне строго-настрого приказали явить публике кавалера, о котором я беззастенчиво вру вторую неделю. Что скажешь?

– Хорошо, что завтра, а то послезавтра у меня дежурство, и это никак не изменить. Расскажи хоть что-то про нее. А то здрасьте, мы с такими рожами возьмем, да и припремся. Извини, точнее, я припрусь.

Наташа легко и весело рассмеялась. Уже что-то, а то сидим, как на совещании в главке. Устал сегодня.

– Она подруга детства. С первого класса знаем друг друга. Симпатичная. Зовут Милка. Фармацевт. Увлекается детективами. Еще будет человек десять. Ее подруги по институту, возможно, с бой-френдами, ее брат. Про тебя сказала, что ты программист.

– Да? И почему?

– Ну, не скажу же, что ты мент, прости, понт. Сейчас все крутые парни или программисты, или бизнесмены. На бизнесмена ты не похож, у них любой разговор сразу к бизнес-идее сводится, да и фирму надо будет засветить, а программисты, да еще фрилансеры, могут быть любимыми, часто даже немного ушибленными на голову.

– Так я ушибленный, – сделал обиженное лицо.

– Нет, ты нормальный, но заработавшийся и усталый. Это на всякий случай, чтобы к тебе не особо приставали с излишними разговорами.

– То есть, ты действительно боишься, что я глубоко асоциальный тип, ничего не знаю о действительности и ни с кем, кроме трупов и компьютера, не общаюсь.

– Прости, – засмушалась Наташа. – В досье сказано только о твоём не слишком активном социальном образе жизни последние два года, а также, данные об образовании. Даже фотографию представили какую-то невыразительную.

Я не выдержал и расхохотался.

– Невыразительная – это фотка из личного дела из ментовки, что ли?

– Нет, ты стоишь на улице и куда-то смотришь. Не скажу, что ты на том фото симпатичный.

– А в натуре? – прищурился лукаво.

– Ничего так, мордашка приятная. Из нас получится хорошая пара – в меру симпатичный программист и девочка-колокольчик – офисный клерк.

Я невольно вспомнил сказку про девочку-колокольчик. Там было что-то типа: «Чтобы спасти цветочную страну, тебе, девочка, нужно только смеяться. И как бы грустно и больно

тебе ни было, ни в коем случае ты не должна плакать. Твой смех уничтожит врага». Может, Натка и колокольчик, только я давным-давно не симпатичный интеллигентный мальчик.

«Вот надо еще маме не забыть позвонить», – прозвучало на подсознательном уровне. Как примерный сын, звонил ей регулярно.

Мама, мама, она так старалась сделать меня милым и приятным во всех отношениях мальчиком. Водила на плавание и рок-н-ролл, заставила учиться игре на гитаре, даже вокалу пыталась научить у одной своей знакомой. Ой, чуть не забыл: ещё учился рисованию три года в художественной школе, учил языки и... Нет, на борьбу я записался уже сам в осознанном возрасте. Кружок по программированию посещал тайком от нее, прогуливая уроки. Всесторонне образованная личность – и что? Работаю в ментовке.

«Ну и что? Зато с девушкой интересной познакомился», – утешила моя романтическая половина, или, скорее, четвертина. Скептические три четверти возразили: «С умной и по делу».

– Тогда до завтра, и озвучь, во сколько мероприятие и что дарим.

– Подарок есть, с тебя цветы, лучше герберы, она розы не любит, а лилии сильно воняют. В семь в метро, площадь Возрождения, ближе к голове поезда на Победу.

Я встал, ноги немного затекли от долгого сидения. Покинув уютную квартиру, направился к метро. Не хотелось на такси. Вдруг бомбила попадётся говорливый, а я сегодня и наговорился, и наслушался. Устал, а еще нужно подумать.

Пришел домой усталый, усталый и еще раз усталый, но не изменил своему правилу и проработал за компом до глубокой ночи. Утром побудка, душ и опять путь в дурдом.

Глава 8. Поход в церковь

Утренний ор шефа мог сбить с ног быка, но не меня с намеченных планов. Единственное – попросил его отправить кого-то на телевидение и узнать, от кого ролик. Сам не пошел, ибо ответ предугадывал на 99%: «Предложили вставить отлично подготовленный сюжет. Классная съемка. Мы так не можем, а даже если бы хотели, аппаратура не та. Тут и монтаж сюжета суперпрофессиональный, на него нужна прорва времени. Директор канала бабла отгреб за то, чтобы показали. Даже ведущему новостей сотня зеленых перепала».

Я отправился в церковь «Победа» опросить пастора. Также хотел еще раз навестить мать погибшего парня-художника и родителей девушек. Кем была погибшая женщина – за два дня так и не выяснил. Ничего: ни, где работала, ни, где жила, местная или приезжая. Никто не заявлял о пропаже.

Церковь находилась не в самом центре города, но недалеко от метро. Метро – стратегически важный пункт при выборе места для служения. Людям надо добираться, в тьмутаракань никто не поедет. Предварительно договорился о встрече. Церковь зарегистрированная, контактные телефоны имеются.

Нашел легко. Дверь открыта. Зашел в зал, огляделся: небольшое помещение, человек на двести, не более. Значит, церковь не такая уж процветающая. А ведь зарегистрирована давно. Что же так плохо-то с прихожанами?

На сцене репетировали две девушки. Парень играл на клавишных. Пели вполне прилично, слаженно. «Ты скала моего спасенья, ты крепость жизни моей...».

Пастор, мужчина под пятьдесят, одетый в приличный костюм серого цвета, при галстук, вышел мне навстречу. Не склонный к экзальтации, как я предполагал. Спокойный взгляд неглупого человека. Он первым протянул руку.

– Николай Иванович, пастор церкви «Победа».

В ответ тоже представился и протянул удостоверение.

– Можете называть меня Сергей. Фамилия Антонов. Я по поводу...

– Догадываюсь, по какому, – перебил мужчина. – Предстоит неприятный разговор. Пройдемте в кабинет, не будем мешать ребятам из группы прославления репетировать.

Он указал на дверь. Перед тем, как войти, подбодрил репетировавших:

– Молодцы. Она пойдет первой, а сейчас «Святого духа сила...» и, если немного задержусь, начните пробовать новую.

– Извините, что отрываю от репетиции, но хотел бы услышать от вас мнение о Марине Кононовой. Какой она была и не изменилась ли за последние пару месяцев.

Николай Иванович помолчал, собираясь с мыслями. Про девушку он, безусловно, думал, и немало.

– Марина пришла в церковь ещё до меня. У нее глубокая пятидесятническая закалка. В харизматы пришла за мужем, который, к сожалению, быстро откололся и ушел в бизнес. Марина осталась, тем более, после развода ей требовалась поддержка. Проблем с ней было немало. Но мы молились. Депрессия, неверие в себя, постоянный страх, что Бог ее осудит, что напрочь не совпадало с нашими учениями.

– Простите, а как у вас? Что, нет грехов?

– Пока не покался – ты грешен, но потом чист перед Господом и прославляешь Его за то, что Он Благ и дает благословения в нашу жизнь. Мы убеждены, что спасены навеки, приняв покаяние, водное крещение, и попадем в рай, ибо Иисус умер за нас и омыл своей кровью наши грехи. Вы не задумывались об этом, молодой человек?

«Он что, пытается меня обратить? – усмехнулся мысленно. – Или по привычке проповеди читает?»

– Вот разберусь с этим делом – приду с вами побеседовать.

Он, конечно, не поверил, понял, что отмазываюсь, и продолжил:

– У нее же периодически появлялись мысли о своей неискупленной вине перед Ним. Приходилось разяснять, убеждать, читать писание. Рассказывать, что Бог живет в каждом из нас, что она любимое дитя Божье, и Его благословение не оставит ее. Но она регулярно теряла веру и впадала в отчаяние от того, что Он ее бросил. Постоянно нуждалась в моей личной поддержке и корректировке внутреннего состояния. Тем более, она пела в прославлении. Люди чувствуют фальшь и неуверенность исполнителя. Благо дело, когда она начинала петь, то отдавала себя вере и музыке без остатка и всяких колебаний. Потеря ее для группы прославления почти невозможна. Хотя ребята стараются.

– Расскажите о последних месяцах.

– Мне сразу не понравилось, что она стала более замкнутой, как будто у нее появилась какая-то тайна. Она, действительно, была чистой девушкой. Поломанное фанатичкой дитя, нуждающееся в поддержке. А тут как будто молчаливое упрямство появилось, что ли. Не понравился ее неподдельный интерес к концу света и 144000 спасенных. В Библии конкретно имеется указание, что мы не можем знать дня конца света. Послушайте, – и он процитировал по памяти: *«О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один».*

«Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет». (Матфей 24:34—42)

Или место из Деяний 1:6,7

«Посему они, сойдясь, спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстановишь Ты царство Израилю?»

«Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти».

Надо жить так, как будто живешь последний день, и при этом надо быть готовым к длительному служению Ему. Эсхатологические мысли часто появляются в умах прихожан. Многие люди устают от необходимости каждодневной праведности. А тут им предлагают простой и быстрый путь на небо. Недолго, неделю или месяц, или год помолишься особенно усердно, а потом всем конец и ты в раю. Многих такое прельщает. Может, моя церковь и не растет особенно быстро потому, что я пытаюсь научить их жить с Богом и в Боге ежедневно, всегда, не прячась от мира. А мир вокруг сложен. Сюда часто попадают люди с поломанной судьбой. С ними непросто. Вводить их в постоянную экзальтацию и самообман – не мой путь. Я учу их верить в Бога и в себя, как в субъект, в котором живет Бог. Вера формирует любовь, а любовь не постыжает и печали с собой не приносит.

– Непростой путь. А если не секрет, вы тоже пришли к вере из-за жизненной трагедии?

– Я – нет. Меня лично Бог призвал. Я тогда был директором небольшого завода в приморском городке. Бог избрал меня, как и Савла, – в голосе пастора прозвучали откровенно горделивые нотки, – которому сказал: *«Савл, Савл! Что ты гонишь Меня?.. Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна».* Услышав это, я внял его словам. Создал в Приморске церковь. Она быстро росла, но меня направили сюда на служение, а тут все не так просто.

С интересом взглянул на собеседника, пытаюсь представить его директором предприятия. Получилось. Что же на самом деле заставило поменять род занятий так кардинально? Выражение глаз у него, даже после стольких лет служения Богу, оставались, как у партийного работника.

Пастор продолжил:

– Церковь не так быстро расширяется, как хотелось бы. Жители города очень прагматичные и рассудительные. Они больше напоминают козлов, а не овец Божьих. Им трудно уве-

ровать, а если даже уверовали и покаяться, то постоянно ходить на служение не многие способны. Текучка и блуждание по церквям огромная. Бегают из одной церкви в другую, ищут особо Боговдохновенную. Работать над собой ленятся. Поэтому идея, что скоро конец света, может найти отклик. Действительно, может. Меня это тоже волнует, поверьте. Потом будет много разочарований. Вера в конкретную дату конца света богопротивна. Я говорю об этом. Вот и Марина попала к ним в секту, я не справился.

– Вы уверены?

– Да, к сожалению, уверен. На собрании пасторов харизматических и евангелистских церквей наш Епископ говорил об усилившемся влиянии эсхатологических идей в городе. Это происходит не так явно, но мы ведь общаемся со своими прихожанами. Многие из них, как дети, рассказывали, что их кто-то встречал после служения и говорил, что скоро конец света, и что им нужно покаяться особым образом и очиститься, и тогда они присоединятся к 144000 спасенных. Другие стесняются рассказать и идут послушать новое учение. Толкований Библии очень много. Часто вырываются цитаты, не связанные с контекстом, и дальше трактуются, как кому вздумается. Например, на цитате *«И, подзвав народ с учениками Своими, сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.